

УДК 94:929.731(476.5-37Полоцк)

Д. В. Дук

ББК 63.3(4Бел-4Вит)-282.5 *Могилевский государственный университет**им. А. А. Кулешова**(Могилев, Республика Беларусь)*

Ю. Н. Кежа

*Полоцкий государственный университет**(Полоцк, Республика Беларусь)*

Символические аспекты репрезентации власти полоцких князей Рогволодовичей

На основе археологических материалов, письменных и иконографических источников освещается символика репрезентации власти одной из ветвей Рюриковичей — полоцких князей Рогволодовичей. Большинство символов и практик репрезентации власти Рогволодовичей были заимствованы у Рюриковичей (символика княжеского знака в виде трезубца, княжеский культ Бориса и Глеба). Судя по археологическим данным, трезубец использовался полоцким князем Изяславом Владимировичем для манифестации собственной власти с конца X в. Впоследствии знак трезубца был заимствован всеми князьями Рогволодовичами и активно использовался на протяжении XI–XII вв. Культ Бориса и Глеба начал активно распространяться на территории Руси со второй половины XI в., получив широкое распространение и в Полоцке среди сыновей полоцкого князя Всеслава Брючиславича (после 1101 г.). Одной из традиций полоцких князей было крестоцелование как символ присяги во время интронизации, что также находит многочисленные параллели в практике межкняжеских отношений Рюриковичей. Отличительной чертой полоцких Рогволодовичей является наличие уникальных и редких имен князей, не характерных для общерусского княжеского антропонимикона. Данная особенность является яркой чертой самоидентификации Рогволодовичей и важным аспектом репрезентации их княжеской власти.

Ключевые слова: *Древняя Русь, Полоцкая земля, Рюриковичи, Рогволодовичи, династия, княжеские знаки, антропонимика.*

DOI: 10.31168/2073-5731.2019.3-4.1.01

Среди восточноевропейских политических образований последней трети X — XII вв. Полоцкая земля (Полоцкое княжество)

занимала особое место. На землях Белорусского Подвинья с центром в Полоцке в последней трети X в. был создан прецедент прихода к власти скандинавского князя не из рода Рюриковичей, представители которого к этому времени уже более чем столетие правили на землях Руси. Власть пришедшего «из-за моря» князя Рогволода в Полоцке продержалась недолго, но положила начало формированию в первой половине XI в. обособленной от династии Рюриковичей линии полоцких князей, согласно сложившейся традиции именуемой Рогволодовичами. После смерти в 1001 г. Изяслава Владимировича ранее своего отца, киевского князя Владимира Святославича (ум. в 1015 г.), потомки Изяслава по старшинству не могли претендовать на киевский стол. В дальнейшем это приводит к определенной обособленности полоцкого княжеского семейства и «корпоративной» замкнутости Рогволодовичей, власть которых ограничивалась исключительно Полоцкой землей¹. При этом, разумеется, наличие у полоцких князей прямых родственных связей с ярким представителем рода Рюриковичей — князем Владимиром Святославичем подразумевает принадлежность полоцкого княжеского рода к государственно-генеалогической общности Древней Руси.

Полоцкая земля в XI–XII вв. занимает особое место в становлении и развитии исторических форм государственности на белорусских землях. Она воспринималась древнерусскими летописцами как важная часть Руси, а в более поздних белорусско-литовских летописях именовалась «великим княжеством». При этом подчеркивалась специфика политического устройства Полоцкой земли и наличие в ней традиций вечевой демократии. Историческая память про династию Рогволодовичей бережно культивировалась и сохранялась до Нового времени не только в среде полочан, но и у населения Великого княжества Литовского, а также сопредельных государств. Так, в московских летописных сводах XVI в. Полоцкая земля именовалась Рогволодовщиной².

1 За исключением непродолжительного (1069–1071) периода княжения в Полоцке Мстислава и Святополка Изяславичей, а также Изяслава и Святополка Мстиславичей (1129–1132).

2 *Семянчук А. А.* Полацк і Полацкая зямля ў гістарычнай памяці жыхароў ВКЛ ў XVI ст. // *Веснік Полацкага дзяржаўнага універсітэта. Сер. 1. Гуманітарныя навукі.* 2013. № 1. С. 28; *Філіповіч М. А.* Полоцкая земля в літописных та актовых джерелах XI–XVI століть. Київ, 2014. С. 95–103.

Целью статьи является сравнительный анализ символических аспектов (знаковых, образных и идеологических) в репрезентации власти полоцких князей Рогволодовичей, нашедших отражение в летописных сведениях и материальных, в первую очередь археологических, источниках. Княжеский антропонимикон династии Рогволодовичей также является предметом данного исследования в части реализации практики имянаречений как одного из проявлений самоидентификации правящего рода. При этом мы исходим из понятия Руси и Русской земли как конфессионима (принадлежность к Русской = Киевской митрополии) и политонима (государственно-генеалогическая общность, созданная Рюриковичами)³.

Согласно Лаврентьевской летописи, в 988 г. Владимир распределяет города Руси между своими сыновьями: «и посади Вышеслава в Новгороде, а Изяслава Полотьске, а Святополка Турове, а Ярослава Ростове»⁴. Из общего текста сообщения выходит, что Изяслав, как один из старших сыновей киевского князя Владимира, получил в управление полоцкий стол. Небезосновательно в историографии данное событие связывают с так называемой административной реформой киевского князя, главной целью которой была политическая централизация восточнославянских земель и подчинение их Киеву⁵. О характере власти киевского князя свидетельствует раздача Владимиром своим сыновьям отдельных городов после крещения Руси. В итоге создание института наместничества предусматривало осуществление власти киевского князя через своих сыновей.

Важное место в княжеской иерархии принадлежало разработанной Владимиром «лествичной системе» наследования княжеских столов, когда в случае смерти одного из братьев происходило перемещение князей на одну ступень вверх. Возможно, Изяслав в этом смысле был исключением, так как после смерти Вышеслава место князя в родном для Владимира Новгороде, являвшемся вторым по значимости административно-территориальным центром в иерар-

3 Марзалюк І. А. Людзі даўняй Беларусі: этнаканфесійныя і сацыякультурныя стэрэатыпы (X–XVII стст.). Мадзілёў, 2003. С. 23.

4 Полное собрание русских летописей, издаваемое Постоянною историко-археографическою комиссією Академіи наук СССР (далее — ПСРЛ). Л., 1926. Т. 1. Лаврентьевская летопись. Вып. 1. Повесть временных лет. 2-е изд. Стб. 121.

5 Рыбаков Б. А. Мир истории. Начальные века русской истории. М., 1987. С. 132.

хии власти Рюриковичей, занял не Изяслав, а его младший брат Ярослав: «оумершю же старейшему Вышеславу Новегороде, посадиша Ярослава Новегороде»⁶. За Изяславом остался княжеский стол в Полоцке, вопреки его старшинству над Ярославом. Есть два объяснения данного факта: либо распределение княжеских столов происходило по личной инициативе Владимира, иногда вопреки принципу старейшинства, либо местные полоцкие элиты не были заинтересованы в том, чтобы Изяслав получил другой город⁷.

Во время своего полоцкого княжения Изяслав являлся активным проводником политики своего отца, киевского князя Владимира Святославича. В этот период (конец X — начало XI в.) Полоцк усваивает политический и династический дискурс, который транслируется из Киева. Так, одним из наиболее ярких свидетельств влияния Киева на репрезентацию власти Изяслава Владимировича является использование полоцким князем и представителями княжеской администрации трезубца — родового знака Владимира и Рюриковичей. Во время

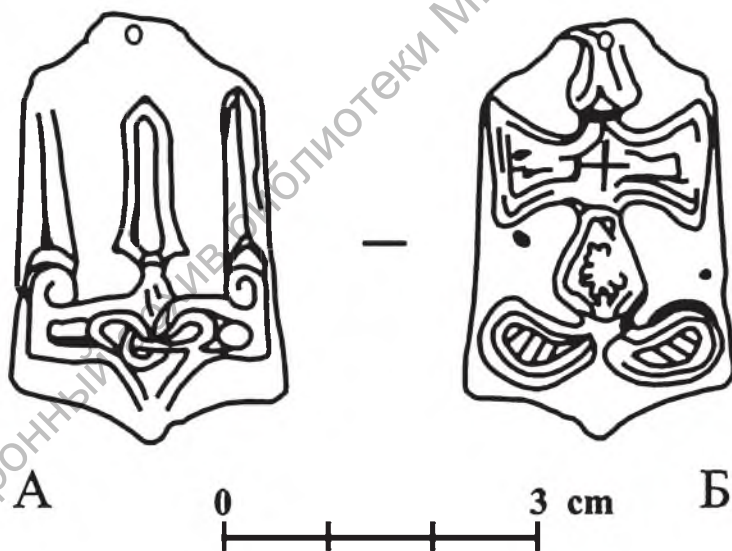

Рис. 1. Подвеска с изображением трезубца (сторона А) и процветшего креста (сторона Б), найдена в Полоцке. Раскопки Д. В. Дука.

⁶ ПСРЛ. Т. 1. С. 85.

⁷ Левко О. Н. Полоцкое княжество // Беларусь: народ, государство, время. Минск, 2009. С. 45.

археологических раскопок 2012 г. на Заполотском посаде Полоцка была найдена трапециевидная подвеска (рис. 1). На лицевой стороне подвески изображен трезубец с кинжаловидными зубцами, копьевидным центральным зубцом и треугольной ножкой. На обратной стороне изображен процветший крест. Аналог полоцкой подвески был найден на Передольском погосте. По визуальному сопоставлению с полоцкой подвеской есть все основания утверждать, что они были отлиты в одной литейной форме. Стилистически похожие подвески были найдены в Старой Ладоге, в Рождественском могильнике, на Неревском раскопе Новгорода и, предположительно, в Киеве. Все они датируются 988–1015 гг. — периодом правления Владимира Святославича⁸. Таким образом, изображение трезубца на всех найденных подвесках соответствует парадным знакам этого киевского князя.

Трезубцы на подвесках берут свое начало от княжеского знака Владимира, одно из ранних изображений которого представлено на

Рис. 2. Плинфа Десятинной церкви (конец X в.) с изображением княжеского знака (трезубца) Владимира Святославича.

плинфе киевской Десятинной церкви (рис. 2), построенной в 990-е гг. Клеймо на плинфе относится к стилизованным версиям знаков Владимира Святославича, представленных на златниках и серебряниках конца X — начала XI в. (рис. 3)⁹.

Помимо геральдических подвесок, княжеские знаки наносились в виде граффити и на другие предметы военно-административного характера и использовались представителями привилегированных слоев населения как символ власти или собственности князя. Трезубцы наносились на монеты, метки земельных

⁸ *Белецкий С. В.* Подвески с изображением древнерусских княжеских знаков // Ладога и Глеб Лебедев. Восьмые чтения памяти Анны Мачинской. СПб., 2004. С. 243–319.

⁹ *Комар О.* Княжі знаки з Десятинної церкви. Київ, 2016. С. 10.

Рис. 3. Серебряник Владимира Святославича (тип III) с изображением трезубца на реверсе.

границ, делянок, ими клеймили княжеских коней. Наличие знака в виде трезубца демонстрировало принадлежность к княжеским людям. Согласно выводам С. М. Михеева, все официальные подвески с княжескими знаками относятся к X — первой половине XI в., но они вышли из употребления уже при Ярославе Владимировиче¹⁰.

Одной из форм манифестации власти Рогволодовичей мог быть знак в виде трезубца, который несколько отличался от знака Рюриковичей. Данный знак изображен на печати, найденной в Полоцке (рис. 4). Стратиграфическая дата полоцкого артефакта — начало XI — середина XII в. В основе изображения на данной печати находится знак, состоящий из двух вертикальных боковых элементов, немного отогнутых наружу, и горизонтальной нижней части. Посередине, между боковыми элементами трезубца, расположен зубец с перекрестием.

В каталоге выставки «1000 лет украинской печати» опубликовано изображение схожей печати, представленной как «товарная пломба середины XI века». Данная печать имеет диаметр 1,8 см, ее происхождение не выяснено, артефакт хранится в частной коллекции¹¹. Внеш-

¹⁰ Михеев С. М. К проблеме атрибуции знаков Рюриковичей // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2014. № 4 (58). С. 59.

¹¹ Тисяча років української печатки. Каталог виставки / Голова редкол. В. А. Смолій; упоряд. Ю. К. Савчук. К.: Інститут історії України. 2013. С. 75.

Рис. 4. Печать XI–XII вв. с изображением трезубца. Находится в частной коллекции.

не оба изделия практически идентичны, разница заключается в общих размерах, а также в наличии дополнительного изгиба в одном из двузубцев на обороте.

Можно сделать осторожное предположение, что изображение на печатях соответствует княжескому знаку Изяслава Владимировича и по некоторым деталям совпадает с «печатью Изяслава», найденной в Новгороде (рис. 5)¹².

Используя в качестве основы своего княжеского знака трезубец Рюриковичей, Изяслав заимствует формы репрезентации княжеской власти своего отца, придавая им некоторые новые элементы (крест над центральным зубцом).

Существует иная точка зрения. Согласно С. М. Михееву, из категории княжеских знаков Владимира Святославича и его потомков точной идентификации поддаются только простой двурогий двузубец, вероятно, использовавшийся как родовой символ Рюриковичей до Владимира Святославича, и три индивидуальных знака князей, наносивших свои тамги на чеканенные ими монеты: простой двурогий трезубец Владимира, двурогий двузубец Святополка с крестом на одном из рогов и двурогий трезубец

Рис. 5. Печать с надписью «ИЗОС(Л)АВ)ОС» и изображением трезубца, найдена в Новгороде.

¹² Кежа Ю. М. Да пытання аб станаўленні ўлады Рагвалодавічаў у Полацку // Беларускае Падзвінне: вопыт, методыка і вынікі палявых і міждысцыплінарных даследаванняў: зб. навук. арт. II міжнар. навук. канф., Полацк, 17–18 красав. 2014 г.: у 2 ч. Ч. 2 / Пад агульн. рэд. Д. У. Дука, У. А. Лобача, С. А. Шыдлоўскага. Наваполацк, 2014. С. 96.

Рис. 6. Византийская амфора (конец X — начало XI в.) с изображением трезубцев, найдена в Полоцке. Раскопки А. Л. Коца.

Ярослава с кругом на зубце. Остальные атрибуты княжеских знаков Рюриковичей, по мнению исследователя, остаются пока лишь неверифицируемыми догадками¹³.

Об использовании Изяславом княжеского знака Владимира свидетельствуют изображения трезубца на отдельных предметах. В 2013 г. на территории Заполотского посада, там же, где была обнаружена вышеупомянутая подвеска, археологом А. Л. Коцем была найдена византийская амфора. Похожие по форме амфоры были найдены в крупных древнерусских центрах (Киеве, Старой Ладоге, Новгороде, Гнёздово) и датируются второй половиной X — первой половиной XI в.¹⁴ В верхней части сосуда выцарапаны два знака. Один из них — простой трезубец. Вторым, слева от него, — трезубец, у которого центральный зубец имеет разветвления (рис. 6). На противоположной стороне амфоры нанесены три знака, верхний из которых по форме также напоминает трезубец. Клеймо слева от него напоминает букву «И» («Иже»), нижнее — букву «Н» («Наш») (рис. 7).

¹³ Михеев С. М. К проблеме атрибуции... С. 60.

¹⁴ Еонисова Н. В., Пушкина Т. А. Находки византийского происхождения из раннегородского центра Гнёздово в свете контактов между Русью и Константинополем в X в. // Сугдейский сборник. Киев; Судак. 2012. Вып. V. С. 50.

Рис. 7. Византийская амфора (конец X — начало XI в.) с изображением буквенных знаков и трезубца, найдена в Полоцке. Раскопки А. Л. Коца.

Амфоры использовались для перевозки и хранения дорогих и социально престижных товаров — вина, масла, пряностей. Массово на Русь амфоры поступают с XII в., во второй половине X — XI в. подобные изделия в раннегородских и торгово-ремесленных центрах были достаточно дорогим и престижным товаром. Потребителями этих товаров и владельцами амфор были люди высокого социального статуса. Княжеские знаки в виде трезубцев на амфоре из Полоцка свидетельствуют о принадлежности товара, перевозимого в ней, полоцкому княжескому двору. Заказчиком товара в данном случае мог быть представитель княжеской администрации, не исключено, что наместник Владимира Святославича (в том числе и обладатель вышеупомянутой подвески). Возможно также, что знак трезубца с усложненным перекрестием центрального зубца мог принадлежать Изяславу Владимировичу.

Информация в летописях не содержит сведений о сохранении полоцкими Рогволодовичами исторической памяти об Изяславе. Это заметно по следующим признакам: отсутствие имени Изяслав в именослове полоцких князей, равно как и названия «Изяславичи». Вместо этого полоцкие князья именовались «Всеславичами», «Рогволодовыми

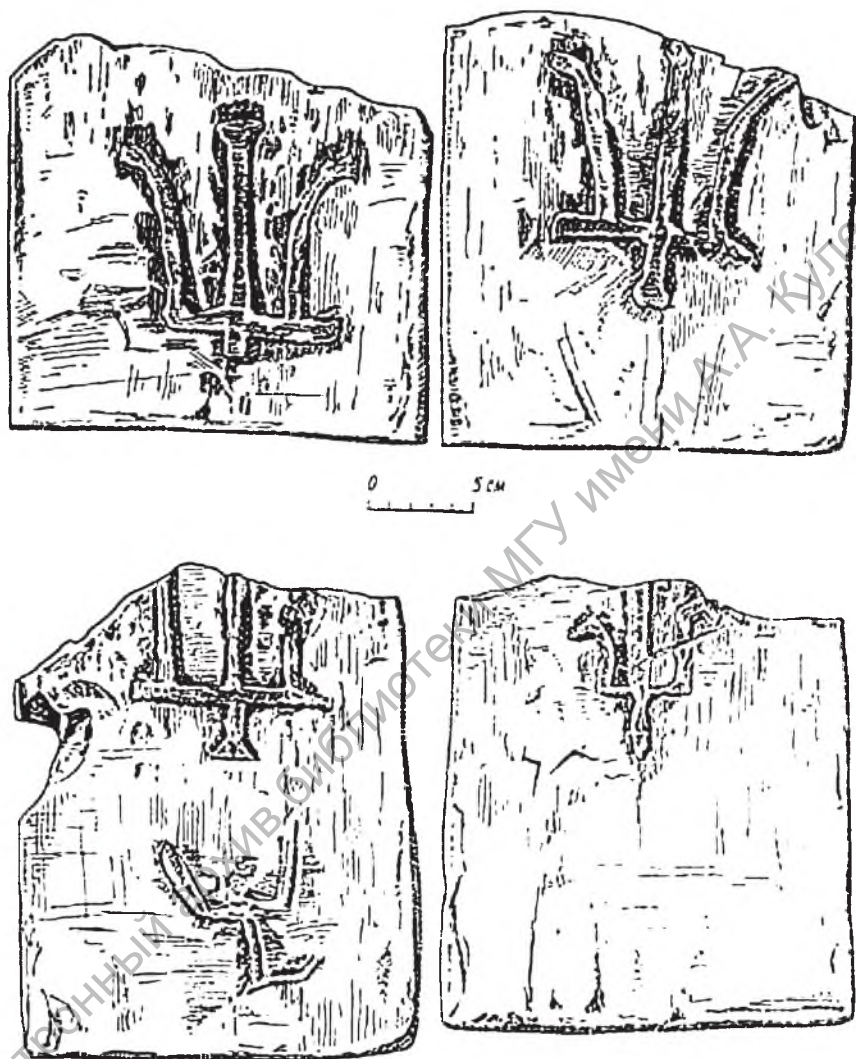

Рис. 8. Трезубцы на плинфе полоцкого храма Рождества Христова XII в. (Церкви на рву). Раскопки П. А. Раппопорта.

внуками», «полоцкими князьями», «кривичскими князьями»¹⁵. Тем не менее Рогволодовичи заимствовали трезубцы как форму обозначения личной собственности и репрезентации своей власти.

¹⁵ Кежа Ю. М. Да питання... С. 97–98.

Рис. 9. Изображение трезубца на плинфе полоцкого храма Архангела Михаила XII в. Раскопки М. К. Каргера.

Так, на постелистой стороне плинфы полоцкой церкви Рождества Христова XII в. (в историографии еще известной как «Церковь на рву») присутствуют княжеские трезубцы, во многом напоминающие изображения на печати (с перекрестьем) из Полоцка (рис. 8)¹⁶. Аналогичное изображение представлено на плинфе «княжеского храма» Архангела Михаила на Верхнем замке Полоцка (раскопки М. К. Каргера) (рис. 9)¹⁷. Считается, что данные клейма — знаки князей — заказчиков

храмов¹⁸. Изображение трезубцев, таким образом, обозначало знак власти (собственности) полоцких князей. Изображения трезубцев были обнаружены на плинфе Спасо-Преображенской церкви Спасо-Ефросиниевского монастыря и на плинфе, найденной на Верхнем замке, принадлежность которой к какому-либо строению не определена.

Помимо символических форм репрезентации собственной власти, полоцкие князья активно распространяют важную идеологическую практику почитания христианских княжеских культов, одним из которых стал культ святых князей-страстотерпцев Бориса и Глеба. Культ Бориса и Глеба активно распространялся на территории Руси со второй половины XI в. В Полоцке он получил широкое распространение среди сыновей полоцкого князя Всеслава Брючиславича¹⁹.

¹⁶ Ратнопорт П. А. Строительное производство Древней Руси. СПб., 1994. С. 27.

¹⁷ Каргер М. К. К истории полоцкого зодчества XII в. (руины вновь открытого храма на Верхнем замке) // Новое в археологии. М., 1972. С. 202–209.

¹⁸ Ратнопорт П. А. Строительное производство... С. 26.

¹⁹ Кежа Ю. М. Культ княжацких святых Барыса і Глеба ў Полацкай зямлі XII ст. // Беларускае Падзвінне: вопыт, методыка і вынікі палявых і міждысцыплінарных даследаванняў: зб. навук. арт. III міжнар. навук. канф., Полацк, 14–15 красав. 2016 г.: у 2 ч. Ч. 2 / Пад агульн. рэд.

После смерти Всеслава (1101) участие в управлении Полоцким княжеством осуществляется всеми представителями княжеского рода при номинальном подчинении Всеславичей старшему из братьев. Культ Бориса и Глеба, заимствованный, по-видимому, еще Всеславом из Южной Руси, в начале XII в. идейно закрепляет принцип старейшинства в межкняжеских отношениях Полоцкой земли. Старшие сыновья Всеслава Брячиславича — Борис и Глеб, а также Роман и Давыд (крестильные имена князей Бориса и Глеба Владимировичей), получили свои имена в честь князей-страстотерпцев. Таким образом, распространение культа Бориса и Глеба в Полоцкой земле указывает на заимствование Всеславом идеологии межкняжеских отношений, принятой среди Ярославичей. Среди южнорусских князей культ Бориса и Глеба наиболее активно распространяется с 70-х гг. XI в., когда при участии князей Изяслава, Святослава и Всеволода мощи святых князей были перенесены из старой деревянной церкви в новый каменный храм Вышгорода. Данное событие должно было символизировать единство правящего рода Рюриковичей и выполнение общих принципов родового сюзеренитета.

Почитание Бориса и Глеба в Полоцкой земле находит свое подтверждение в строительстве полоцкими князьями монастырей и храмов, в сакральной живописи, в сфрагистике и мелкой пластике. Так, в 20-е гг. XII в. строится Борисоглебский княжеский монастырь в местечке Бельчица на левом берегу Западной Двины²⁰. В интерьере одной из четырех монастырских церквей — церкви Бориса и Глеба — сохранились части фресковых росписей, среди которых на восточных простенках, по бокам проема в алтарную апсиду, были изображены князья Борис и Глеб²¹. Обустройство Борисоглебского монастыря может говорить о патрональном характере культа Бориса и Глеба и особом почитании этих святых среди полоцкой династии.

Д. У. Дука, У. А. Лобача, А. I. Корсак. Наваполацк, 2016. С. 7–18.

²⁰ Воронин Н. Н. Бельчицкие руины (к истории полоцкого зодчества XII в.) // Архитектурное наследство. 1956. № 6. С. 14–17.

²¹ Габрусь Т. В. Полоцкий Софийский собор и полоцкая школа зодчества XII в. // Полоцк и Полоцкое княжество (земля) в IX–XIII вв.: летопись древних слоев, Полоцк и его округа в XIV–XVIII вв., ремесло, денежное обращение и торговые связи Полоцка в средневековье (по данным археологии, нумизматики и письменных источников), культура и просвещение в средневековом Полоцке / О. Н. Левко [и др.]; редкол.: А. А. Коваленя (гл. ред.); науч. ред. О. Н. Левко. Минск, 2012. С. 425.

Рис. 10. Печать менского князя Глеба Всеславича (1101–1119 гг.) с изображением св. Глеба на лицевой стороне. Найдена в Острожском районе Ровенской области (Украина).

Небесным заступником Глеба Всеславича Менского также являлся один из братьев-страстотерпцев, примером этого является печать, найденная в 1995 г. в Острожском районе Ровенской области (Украина) (рис. 10). На ней представлено погрудное изображение святого Глеба. На обратной стороне помещена надпись: «Господи помози рабу своему Глебови»²². Подобные единичные изображения святых встречаются в произведениях декоративного искусства в других регионах Руси.

Примером почитания культа Бориса и Глеба являются кресты-энколпионы. Один из самых ранних «борисоглебских» крестов-энколпионов был найден в 1993 г. на Федоровском раскопе в Новгороде и датируется концом XI — началом XII в.²³ Во время раскопок 2007 г. на полоцком городище (княжеском детинце) была обнаружена обратная створка креста-энколпиона с изображением святого Глеба с моделью храма в левой руке (рис. 11). Данная группа изделий имела широкое распространение и в иных городах Восточной Европы рассматриваемого периода.

²² Янин В. Л., Гайдуков П. Г. Актовые печати Древней Руси X–XV вв. М., 1998. Т. 3. Печати, зарегистрированные в 1970–1996 гг. С. 60, 155.

²³ Смирнова Э. С. Ранние этапы иконографии святых князей Бориса и Глеба. Вопрос византийских образцов и сложения русской традиции // Борисо-Глебский сборник. Collectanea Borisoglebica. Paris, 2009. Вып. I. С. 45.

Одной из особенностей полоцкой школы монументальной живописи XII в. является изображение святых Бориса и Глеба на фресках полоцкой Спасо-Преображенской церкви (рис. 12). Они размещены в западной части северо-западного полукупольного столба. Полоцкие фресковые изображения Бориса и Глеба по своему идейному наполнению напоминают изображения этих святых из других регионов Руси. В изображениях особое внимание акцентируется на отличиях Бориса как старшего брата от Глеба как брата младшего. Данная особенность должна была подчеркивать мотив старейшинства между князьями.

Возрастные отличия стали постоянной особенностью изображений св. Бориса и Глеба. В частности, они наблюдаются на самых древних сохранившихся иконах Бориса и Глеба — произведении из Савво-Вишерского монастыря под Новгородом (датируется второй половиной XIII в.) и иконе первой половины XIV в. из новгородского Зверина монастыря. Визуальное противопоставление старшего Бориса и младшего Глеба представлено на рельефе северного фасада Дмитриевского собора во Владимире (1190-е гг.).

Таким образом, старейшинство и принцип мирного сосуществования между князьями-братьями после смерти князя-отца были во-

Рис. 11. Оборотная сторона креста-энколпиона с изображением св. Глеба, найдена в Полоцке. Раскопки Д. В. Дука.

Рис. 12. Фреска с изображениями св. Бориса и Глеба из полоцкой Спасо-Преображенской церкви XII в.

площены в культе князей Бориса и Глеба. В Полоцкой земле культ Бориса и Глеба впервые проявляется с конца XI в. и является составной частью идеологии взаимоотношений внутри княжеского дома. На протяжении XII в. почитание Бориса и Глеба среди Рогволодовичей приобретает патрональный характер.

Одной из традиций полоцких князей было крестоцелование как высшая форма присяги во время интронизации, а также для подтверждения верности слову, при заключении договора. В тексте полоцкой грамоты князя Изяслава, написанной между 1264 и 1267 гг., дословно сказано: «На семь къ мне цѣловати кр(е)сть въ правду, любовь имѣти и миръ, какъ было при первыхъ княз(е)хъ полоцьскихъ (курсив наш. — Д. Д., Ю. К.)»²⁴. Традиция крестоцелования как форма политического договора между князьями носила общерусский характер. В истории Полоцкой земли данная практика использовалась Всеславом Брячиславичем в 1067 г. при переговорах с южно-русскими князьями Ярославичами на реке Рша²⁵. В XII в. практика крестоцелования использовалась при заключении соглашения между полочанами и князем²⁶. В данном случае крестоцелование — акт легитимизации власти посредством заключения соглашения с населением, с обязательствами соблюдения установленных общественных норм и правил.

Однако при всей общности форм репрезентации власти в коллективной памяти Рогволодовичей существовало одно яркое отличие, а именно — практика имянаречений. В средневековом обществе одним из важнейших способов, позволявших сохранять единство правящего рода и преемственность власти, был принцип наделения новых членов династии определенным набором имен²⁷. Внутри правящего рода в употреблении находился четкий антропонимикон, который и определял корпоративность и институциональное единство династии. Ярким свидетельством самоидентификации правящей в Полоцкой земле династии были родовые имена, которые почти не встречаются в практике имянаречения иных ветвей Рюриковичей. В

24 Полоцкие грамоты XIII — начала XVI в.: В 2 т. / Отв. ред. А. Л. Хорошкевич. М., 2015. Т. 1. С. 59.

25 ПСРЛ. Т. 1. Вып. 1. Стб. 167.

26 ПСРЛ. СПб., 1908. Т. 2. Ипатьевская летопись. С. 340.

27 Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Выбор имени у русских князей в X–XVI вв. Династическая история сквозь призму антропонимики. М., 2006. С. 11–30.

частности, имя первого известного полоцкого князя, родоначальника полоцкой династии Рогволода, находилось в употреблении исключительно среди полоцких князей. Из летописей мы знаем о существовании полоцких князей с именем Рогволод в XII в. — это Рогволод-Борис Всеславич и его сын Василий-Рогволод. Среди наиболее популярных имен у полоцких князей были Всеслав и Брячислав. Имя Всеслав не использовалось Рюриковичами (за исключением дочери Рюрика Ростиславича — Всеславы), имя Брячислав в ономастике Рюриковичей встречается один раз (сын Святополка Изяславича — Брячислав). Коллективная память полоцких князей передавалась через имена родоначальника династии Рогволода, а также знаковых личностей полоцкой средневековой истории — Брячислава Изяславича и Всеслава Брячиславича, при которых Полоцкое княжество достигло вершины своего могущества²⁸.

Помимо идеологического подтекста (в первую очередь речь идет о самоидентификации) антропонимикон княжеского дома является красноречивой формой репрезентации верховной власти. Имена князей имели существенное отличие от имен основной части населения княжества — они были, как правило, составными, нередко с использованием отчества. Имена у простого населения Полоцка в XI–XII вв. происходили от названий зверей, птиц, физических характеристик, и, как правило, это были нехристианские имена. В христианской традиции могли использоваться составные имена — календарные и домашние, как, например, у создателя креста Евфросинии Полоцкой, ювелира Лазаря Богши. Большая часть христианских имен являлась производной от церковных²⁹. Из большого количества мужских антропонимов на стенах полоцкой Спасо-Преображенской церкви (более 60) среди имен полочан XII–XVI вв. очень редко встречаются имена Глеб, Георгий, Василий, характерные для антропонимии полоцкого княжеского дома. Имя Иван является самым распространенным среди прихожан, но не характерным для Рогволодовичей³⁰. Исключением является один из представителей полоцкого княжеского семейства — Иван Рогволодович, сын полоцкого князя Рогволода Всеславича. Об уделах Ивана Рогволодовича

28 Кежа Ю. М. Да пытання... С. 97–100.

29 Калечыц І. Імёны ў кірылічных надпісах XII — сярэдзіны XVI ст. на сценах Спаса-Праабражэнскай царквы ў Полацку // Беларускі гістарычны часопіс. 2018. № 11. С. 14.

30 Там же. С. 15–16.

данных нет. Известно лишь о возвращении Ивана Рогволодовича из византийской ссылки в 1140 г.³¹

Таким образом, в репрезентации власти полоцкие князья Рогволодовичи использовали знаковые, образные и идеологические символы, характерные для власти всех Рюриковичей. Идеологическое обоснование власти было общим и основывалось на принципах христианского (православного) мировоззрения и морали. Она же, эта конфессиональная = православная основа, и предопределила в XI–XII вв. одну из главных составляющих понятия «Русь» в широком смысле. Среди христианских принципов функционирования княжеской власти в символическом значении главную роль играли так называемые «княжеские» культы и обряды, в частности культ Бориса и Глеба, обряд крестоцелования. На примере княжеских знаков можно предположить, что династия Рогволодовичей могла сконструировать собственную форму репрезентации власти. Отличительной чертой полоцких Рогволодовичей является наличие уникальных и редких имен князей, не характерных для общерусского антропонимикона и в целом для населения Полотчины. Данная особенность является яркой чертой самоидентификации Рогволодовичей и репрезентации княжеской власти.

Источники и литература

Алексеев Л. В. Западные земли домонгольской Руси: очерки истории, археологии, культуры. В 2 кн. Кн. 2. М.: Наука, 2006. 167 с.

Белецкий С. В. Подвески с изображением древнерусских княжеских знаков // Ладога и Глеб Лебедев. Восьмые чтения памяти Анны Мачинской. СПб.: Нестор-История, 2004. С. 243–319.

Воронин Н. Н. Бельчицкие руины (к истории полоцкого зодчества XII в.) // Архитектурное наследство. 1956. № 6. С. 19–17.

Габрус Т. В. Полоцкий Софийский собор и полоцкая школа зодчества XII в. // Полоцк и Полоцкое княжество (земля) в IX–XIII вв., летопись древних слоев, Полоцк и его округа в XIV–XVIII вв., ремесло, денежное обращение и торговые связи Полоцка в средневековье (по данным археологии, нумизматики и письменных источников), культура и просвещение в средневековом Полоцке. Минск: Беларуская навука, 2012. С. 420–436.

³¹ *Алексеев Л. В.* Западные земли домонгольской Руси: очерки истории, археологии, культуры. В 2 кн. М., 2006. Кн. 2. С. 14.

Еонисова Н. В., Пушкина Т. А. Находки византийского происхождения из раннегородского центра Гнездово в свете контактов между Русью и Константинополем в X в. // Сугдлейский сборник. Киев; Судак: ТОВ «Горобец», 2012. Вып. V. С. 34–85.

Калечыц І. Імёны ў кірылічных надпісах XII — сярэдзіны XVI ст. на сценах Спаса-Праабражэнскай царквы ў Полацку // Беларускі гістарычны часопіс. 2018. № 11. С. 14–18.

Каргер М. К. К истории полоцкого зодчества XII в. (руины вновь открытого храма на Верхнем замке) // Новое в археологии. М.: Изд-во МГУ, 1972. С. 202–209.

Кежа Ю. М. Да пытання аб станаўленні ўлады Рагвалодавічаў у Полацку // Беларускае Падзвінне: вопыт, методыка і вынікі палявых і міждысцыплінарных даследаванняў: зб. навук. арт. III міжнар. навук. канф., Полацк, 14–15 красав. 2016 г.: У 2 ч. Ч. 2 / Пад агульн. рэд. Д. У Дука, У А. Лобача, А. І. Корсак. Наваполацк: ПДУ, 2016. С. 92–100.

Кежа Ю. М. Культ княжацкіх святых Барыса і Глеба ў Полацкай зямлі XII ст. // Беларускае Падзвінне: вопыт, методыка і вынікі палявых і міждысцыплінарных даследаванняў. Наваполацк: ПДУ, 2016. Ч. 2. С. 7–18.

Комар О. Княжі знакі з Десятинной церкви. Київ: МІДЦ, 2016. 46 с.

Левко О. Н. Полоцкое княжество // Беларусь: народ, государство, время / Редколл. А. А. Коваленя [и др.]. Минск: Беларуская навука, 2009. С. 45–51.

Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Выбор имени у русских князей в X–XVI вв. Династическая история сквозь призму антропонимики. М.: Индрик, 2006. 904 с.

Марзалюк І. А. Людзі даўняй Беларусі: этнаканфесійныя і сацыякультурныя стэрэатыпы (X–XVII стст.). Магілёў: МДУ ім. А. А. Куляшова, 2003. 324 с.

Михеев С. М. К проблеме атрибуции знаков Рюриковичей // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2014. № 4 (58). С. 45–63.

Полное собрание русских летописей, издаваемое Постоянною историко-археографическою комиссиею Академии наук СССР. Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1926. Т. 1. Лаврентьевская летопись. Вып. 1. Повесть временных лет. 2-е изд. VIII с. + 286 стб.

Полное собрание русских летописей. Т. 2. Ипатьевская летопись. СПб.: тип. М. А. Александрова. 1908. 638 с.

Полоцкие грамоты XIII — начала XVI в.: В 2 т. / Отв. ред. А. Л. Хорошкевич. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2015. Т. 1. 846 с.: XVI с. ил.

Раннопорт П. А. Строительное производство Древней Руси. СПб.: Наука, 1994. 159 с.

Рыбаков Б. А. Мир истории. Начальные века русской истории. М.: Молодая гвардия, 1987. 351 с.

Семянчук А. А. Полацк і Полацкая зямля ў гістарычнай памяці жыхароў ВКЛ ў XVI ст. // Веснік Полацкага дзяржаўнага ўніверсітэта. Сер. I. Гуманітарныя навукі. 2013. № 1. С. 19–21.

Смирнова Э. С. Ранние этапы иконографии святых князей Бориса и Глеба. Вопрос византийских образцов и сложения русской традиции // Борисо-Глебский сборник. Collectanea Borisoglebica / Ред. К. Цукерман. Paris: АСНСВуз, 2009. Вып. I. С. 58–116.

Тисяча років української печатки. Каталог виставки / Голова редкол. В. А. Смолі, упоряд. Ю. К. Савчук. Київ: Інститут історії України. 2013. 496 с.

Янин В. Л., Гайдуков П. Г. Актовые печати Древней Руси X–XV вв. М.: ИНТРАДА, 1998. Т. 3. Печати, зарегистрированные в 1970–1996 гг. 1269 с.

References

Alekseev, L. V. *Zapadnye zemli domongol'skoj Rusi: ocherki istorii, arheologii, kul'tury*: V 2 kn. Kn. 2. Moscow: Nauka, 2006, 167 s.

Beleckij, S. V. "Podveski s izobrazheniem drevnerusskikh knyazheskikh znakov." *Ladoga i Gleb Lebedev. Vos'mye chteniia pamiati Anny Machinskoi*, Sant-Petersburg: Nestor-Istoriia, 2004, s. 243–319.

Voronin, N. N. "Bel'chickie ruiny (k istorii polockogo zodchestva XII v)." *Arhitekturnoe nasledstvo*, no 6, 1956, s. 19–17.

Gabrus', T. V. "Polockii Sofijskii sobor i polockaia shkola zodchestva XII v." *Polock i Polockoe knyazhestvo (zemlia) v IX–XIII vv., letopis' drevnih sloev, Polock i ego okruga v XIV–XVIII vv., remeslo, denezhnoe obrashchenie i torgovye sviazi Polocka v srednevekov'e (po dannym arheologii, numizmatiki i pis'mennykh istochnikov), kul'tura i prosveshchenie v srednevekovom Polocke*, Minsk: Belaruskaia navuka, 2012, s. 420–436.

Eonisova, N. V., Pushkina, T. A. "Nahodki vizantijskogo proiskhozhdeniya iz rannegorodskogo centra Gnezdovo v svete kontaktov mezhdru Rus'yu i Konstantinopolem v X v." *Sugdejskij sbornik*. Kiev; Sudak: TOV "Gorobets", vyp. V, 2012, s. 34–85.

Kalechyts, I. "Imiony ŭ kirylichnyh nadpisah XII — siarėhdziny XVI st. na scenah Spasa-Praabrazhėhnskej carkvy ŭ Polacku." *Belaruski gistarychny chasopis*, no 11, 2018, s. 14–18.

Karger, M. K. "K istorii polockogo zodchestva XII v. (ruiny vnov' otkrytogo hrama na Verhnem zamke)." *Novoe v arheologii*. Moscow: Izd-vo MGU, 1972, s. 202–209.

Kezha, Iu. M. “Da pytannia ab stanaŭlenni ŭlady Ragvalodavichaŭ u Polacku.” *Belaruskae Padzvinne: vopyt, metodyka i vyniki paliavyh i mizhdyscyplinarnyh dasledavannyaj:* zb. navuk. art. II mizhnar. navuk. kanf., Polatsk, 17–18 krasav. 2014 g.: u 2 ch. Ch. 2 / pad agul'n rėd. D. U. Duka, U. A. Lobacha, S. A. Shydloŭckaga. Navapolack: PDU, 2014, s. 92–100.

Kezha, Iu. M. “Kul't kniazhackih sviatyh Barysa i Gleba ŭ Polackaŭ ziamli XII st.” *Belaruskae Padzvinne: vopyt, metodyka i vyniki paliavyh i mizhdyscyplinarnyh dasledavannyaj:* zb. navuk. art. III mizhnar. navuk. kanf., Polatsk, 14–15 krasav. 2016 g.: u 2 ch. Ch. 2 / pad agul'n rėd. D. U. Duka, U. A. Lobacha, A. I. Korsak. Navapolack: PDU, 2016, s. 7–18.

Komar, O. *Knyazhi znaki z Desiatinnoŭ cerkvi*. Kiev: MIDTs, 2016, 46 s.

Levko, O. N. “Polockoe knyazhestvo.” *Belarus': narod, gosudarstvo, vremya*. Minsk: Belaruskaja navuka, 2009, s. 45–51.

Litvina, A. F., Uspenskij, F. B. *Vybor imeni russkikh knyazej v X–XVI vv. Dinasticheskaia istoriya skvoz' prizmu antroponimiki*. Moscow: Indrik, 2006, 904 s.

Marzaliuk, I. A. *Liudzi daŭnyaj Belarusi: ehnikanfesijnia i sacyiakul'turnia stėreatyipy (X–XVII stst.)*. Magilioŭ: MDU im. A. A. Kulyashova, 2003, 324 s.

Miheev, S. M. “K probleme artibutsii znakov Riurikovicheŭ.” *Drevniaia Rus'. Voprosy medievistiki*, no 4 (58), 2014, s. 45–63.

Polnoe sobranie russkikh letopiset, izdavaemoe Postojannoju istoriko-archeograficheskoj komissiej Akademii nauk SSSR. T. 1. Lavrent'evskaia letopis'. Vyp. 1. Povest' vremennyh let. 2-e izd. Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1926. VIII s. + 286 colms.

Polnoe sobranie russkikh letopisej. T. 2. Ipat'evskaia letopis'. Sant-Petersburg: tip. M. A. Aleksandrova, 1908, 638 s.

Polotskie gramoty XIII — nachala XVI v. V 2 t. T. 2. Pod red. A. L. Horoshkevich. Moscow: Russkij fond sodejstvija obrazovaniju i nauke, 2015, 846 s: XVI s. il.

Rappoport, P. A. *Stroitel'noe proizvodstvo Drevnej Rusi*. Sant-Petersburg: Nauka, 1994, 159 s.

Rybakov, B. A. *Mir istorii. Nachal'nye veka russkoj istorii*. Moscow: Molodaia gvardija, 1987, 351 s.

Semianchuk, A. A. “Polack i Polackaia ziamlya ŭ gistarychnaj pamiatki zhyharoŭ VKL ŭ XVI st.” *Vesnik Polatskaga dziazhaŭnaga universitėta*. Ser. 1. Gumanitarnia navuki, no 1, 2013, s. 19–21.

Smirnova, Ė. S. “Rannie ětapy ikonografii sviatyh kniazeŭ Borisa i Gleba. Vopros vizantijskich obrazstvov i slozhenija russkoŭ traditsii”. *Boriso-Glebskij sbornik. Collectanea Borisoglebica*. Red. K. Tsukerman. Vyp. I, Paris: ACHCByz, 2009, s. 58–116.

Tisiacha rokov ukraŭn'skoŭ pečatki. Katalog vistavki. Golova redkolegij V. A. Smolij; uporyadnik Iu. K. Savchuk. Kiev: Institut istorii Ukraŭni, 2013, 496 s.

Ianin, V. L., Gařdukov, P. G. *Aktovye pečati Drevnej Rusi X–XV vv.* T. 3. Pechati zaregistrirovannye v 1970–1996 gg. Moscow: INTRADA, 1998, 1269 s.

Denis V. Duk

Mahiliow state university (Mahiliow, Republic of Belarus)

Yury N. Kezha

Polatsk state university (Polatsk, Republic of Belarus)

Symbolic aspects of the authority representation
of the Polotsk principles of Rogvolodovich dynasty

The symbols of the authority representation of Polotsk principles from the Rogvolodovich dynasty, one of the branches of the Rurikids' dynasty, are highlighted on the basis of archaeological materials, written and iconographic sources. Most of the symbols and practices connected to the authority representation were borrowed from Rurikids (the symbols of the princely sign in the form of a trident, the princely cult of Boris and Gleb). According to archaeological data, the trident was used by the Polotsk prince Izyaslav Vladimirovich to manifest his own authority since the end of the 10th century. Subsequently, the sign of the trident was borrowed by all the princes of Rogvolodovich dynasty and was actively used during the 11–12th centuries. The cult of Boris and Gleb began to spread actively on the territory of Russia from the second half of the 11th century. In Polotsk, that cult was widely spread among the sons of the Polotsk prince Vseslav Brjachislavich (after 1101). One of the traditions of the Polotsk princes was the cross-kissing as a symbol of the oath during the enthronement, which also finds numerous parallels in the practice of the inter-princely relations of Rurikids' dynasty. A distinctive feature of the Polotsk branch of Rogvolodovich dynasty is the presence of unique and rare names of princes, which are not typical of the all-Russian princely anthroponymics. This is a striking feature of the self-identification of Rogvolodovich dynasty and a representation of their princely power.

Keywords: *Ancient Rus, Polotskland, Rurikids, Rogvolodovich, dynasty, prince's signs, anthroponymics.*